

О мечте,
о любви,
о судьбе

**ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ВЕРЫ КОЛОЧКОВОЙ**

ПАРАДОКС ГРЕТХЕН
КЛЮЧИ ОТ ЯЩИКА ПАНДОРЫ
ТВОЯ ЖЕНА ПЕНЕЛОПА
КОВАРСТВО, ИЛИ ТАЙНА ДОМА С МЕЗОНИНОМ
СЛЕПЫЕ ПО БРЕЙГЕЛЮ
ПРАВИЛО ПАРАЦЕЛЬСА, ИЛИ ТРИЛОГИЯ ДЛЯ СВЕКРОВИ
ИЗ ЖИЗНИ МЭРИ, В ДЕВИЧЕСТВЕ ПОППИНС
ЛАСТОЧКА ДЛЯ ДЮЙМОВОЧКИ
ЛЕДИ МАКБЕТ МАРКЕЛОВА ПЕРЕУЛКА
РАНДЕВУ ДЛЯ ТРЕХ СЕСТЕР
БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА
ДОМ ДЛЯ ОДИССЕЯ
ЗНАК НЕФЕРТИТИ
СЛЕЗА ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ
ЗОВ СИРЕНЬ
ДЕТИ АФРОДИТЫ
СИНДЕРЕЛЛА БЕЗ ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛКИ
ОБИТЕЛЬ СИНЕЙ БОРОДЫ
НЕМНОГО ЛЮБВИ ДЛЯ БЕДНОЙ ЛИЗЫ
ПАРТИЯ ДЛЯ ЛОВЕЛАСА
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МАДОННА

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ТРЕТИЙ РЕБЕНОК
ДЖЕЙН ЭЙР

р о м а н

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.

К61 Третий ребенок Джейн Эйр : роман / Вера Колочкова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (О мечте, о любви, о судьбе. Проза Веры Колочковой).

ISBN 978-5-699-92665-7

Простодушная и сердобольная медсестра Таня была вполне довольна своей жизнью — жила вместе с любимой бабушкой в собственной квартире, вот шубу себе с премии купила красивую, еда всегда в доме есть, ну а то, что не красавица и мужчины на нее не заглядываются — да это ли главное?

И так уж получилось, что жизненный поворот в Таниной судьбе случился совсем недалеко от ее дома, в соседнем дворе. Из машины, преградившей путь, буквально к ее ногам вывалился маленький мальчик, а сама машина, едва успев отъехать, взорвалась... Таня спасла мальчишку, закрыв его собой. И это было только началом удивительных событий в ее жизни. Разве могла она подумать, что спустя несколько недель окажется вместе со спасенным Матвеем не где-нибудь, а... в Париже!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92665-7

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи...

Анна Ахматова

Глава 1

Таня Селиверстова тихо шла с работы, осторожно ступая бескаблучными ботинками по грязной тротуарной наледи, словно плыла лебедью в сиреневых и ветреных февральских сумерках. Таня Селиверстова была очень счастливым человеком. По крайней мере, так она сама про себя совершенно искренне полагала. А как же иначе? У нее, Тани Селиверстовой, собственность-недвижимость своя имелась? Да, имелась — однокомнатная квартирка-хрущевка в тихом спальном районе. А работа любимая у нее имелась? Да, и работой любимой ее судьба не обидела — Таня Селиверстова на сегодняшний день числилась самой лучшей хирургической сестрой в своей больнице. И даже более того — роскошная шуба из кусочков норки у Тани Селиверстовой имелась! То ли из лобиков дорогого зверька были эти кусочки, то ли из брюшек, то ли из других каких потаенных норковых местечек, она уже и не помнила. Все одно — шуба шикарная. Перед новогодни-

ми праздниками Таня ее купила, ухнула на эту роскошь всю премию, завоеванную в честном бою, то есть в проводимом в их больнице ежегодном конкурсе медсестер. Все десять тысяч, полученных призом за первое место, и отвалила — бешеные просто деньги... Ну как, скажите, при таких обстоятельствах на судьбу жаловаться и не считать себя самым на свете счастливым человеком? Балует она ее, судьба-то, сыплет подарками, только руки подставляй...

Так вот и с квартирой, например, получилось. Именно ее выбрала к себе в сиделки бабушкина городская сестра тетя Клава. Детей у нее своих не было, здоровья тоже к старости не осталось никакого, вот она и приехала к ним в Селиверстово — жиличку-сиделку из многочисленных племянниц себе присмотреть. Ну, не за просто так, конечно, а все как полагается, с завещанием квартирным, с нотариусом...

Вообще, тетя Клава деревенскую свою родню никогда не привчала. Как уехала в молодости в город, так и не появилась в родных местах больше ни разу. Разное про нее в деревне говорили. Будто в городе, чтоб закрепиться, пришлось ей долго работать на производстве вредном и тяжелом, а потом и за вдовца престарелого замуж выскочить, молодостью своей попуститься только ради этой вот квартиры,

которая теперь Тане по завещанию досталась. Когда она в деревне вдруг появилась, бабушка Танина и не признала ее с ходу. А мать и вовсе в первый раз увидела. Совсем по-городскому эта тетя Клава выглядела — с короткой седой стрижкой, в брючном костюме, худая как палка. Это уж потом выяснилось, отчего она такая худая была, вроде как и не в породу их, в селиверстовскую, телом тяжеловесную. Просто болезнь ее точила, давно уже. И тело источила, и характер...

Почему тети-Клавин глаз тогда именно на Таню лег, никто и не понял. Старшие сестры Нина да Тамара уж так старались тете Клаве понравиться! Сильно им хотелось в город на жительство переехать. А Таня и не старалась вовсе. Наоборот, в сторонке все держалась. Она тогда только-только школу восьмилетку деревенскую закончила и вроде как при деле была — с младшим Петькой нянчилась. Матери-то уже трудно было со всем хозяйством управляться, надорвалась она. Да и то, шутка ли в самом деле в сорок три года пятого ребенка родить... И все равно ее, незаметную Таню, тетя Клава выбрала. Сказала — самая она из всех вас, девки, для меня подходящая. Так вместе с ней Таня в город и уехала, в медучилище сразу же поступила, как ей тетя Клава и присоветовала. И даже не

присоветовала, а прямиком ее туда направила — сказала, будешь потом по всем правилам меня обихаживать. Чтоб, мол, умела и укол поставить грамотно, и давление смерить, и обмыть-убрать утром, свою рожу не покрививши от отвращения...

Слегла тетя Клава как раз после того, как Таня закончила медучилище и на работу в больницу определилась. Подгадала словно. Хотя и грех так говорить — подгадала. Болезнь, она ж человека не спрашивает, когда на него окончательно напасть да свалить в постель с полной немощью. Вот тут уж пришлось Тане несладко. Целых семь лет свету белого не видела да ночь ото дня не отличала. Вьюном крутилась между домом и больницей. Подружки ее деревенские успели уж за это время замуж повыскакивать да детей себе народить, а она с теткинскими пеленками провозилась вместо ребячьих... Но все бы это ничего еще было, она к работе с детства привычная. С теткиным характером совладать она не могла, вот что ее огорчало. Уж как ни старалась, а той все плохо. Всю обиду на трудную жизнь да на свою немощь тетя Клава на Тане выместила. И чашки-плошки в нее летели, и проклятия всякие — лучше и не вспоминать. Да еще и с деньгами как-то надо было выкручиваться — на лекарства их столько

уходило, что ни теткиной пенсии, ни Таниной зарплаты, вместе сложенных, на те лекарства не хватало. А тетя Клава и слышать ни о чем таком не хотела. И лекарства требовала, и котлетки из телятинки рыночной. И все норовила жилплощадью упрекнуть да в жадности ее обличить. Мол, осчастливила я тебя, а ты...

Таня на нее ни разу не обиделась. Терпела. Да и то — как на больного человека обижаться? Тетка ведь не на нее сердилась, она на немощь свою сердилась. Но немощь, ее ведь перед глазами живьем не видно, а Таня — вот она, мелькает туда-сюда то с тарелками, то со шприцем, то с чистыми простынями-пеленками...

На тети-Клавины похороны съехала вся деревенская родня. Таня в большие долги влезла, чтоб угощение поминальное справить. У всех подряд в больнице занимала, кто давал. Народу-то много понаехало, даже старую бабку Пелагею, младшую тети-Клавину сестру, привезли. А когда все расселись за столом плечом к плечу да выпили по первой за упокой тети-Клавиной души, мать Танина слово держать стала:

— Что ж, Татьяна, молодец ты у меня, ничего не скажу. Тянула ты свою обузу долго и честно, доходила тетю Клаву, тут греха на тебе никакого нету. И хоромы эти по праву твои теперь. А только знаешь ли, девка... — Мать строго взглянула из-под черного, повязанного

до самых бровей платочка, вздохнула тяжело, будто извиняясь заранее, и продолжила сердито: — А только не жирно ли тебе будет одной тут барствовать, когда сестры-братья твои по углам ютятся? Мы вон в одном доме тремя семьями живем, по головам ходим... У Тamarки уж трое народилось, а дома своего так и нет. Вот мы и порешили тут, когда узнали о Клавдиной кончине, что переселим Тамарку с семьей в мамину избушку. Она хоть и неказиста, да все равно своя крыша над головой у них будет. А маму нашу, стало быть, к тебе...

Бабушка Пелагея, та самая «наша мама», тихо всхлипнула в застывшей над поминальным столом тишине, затеребила в коричневых жилистых пальцах мятый платок. Потом заголосила тоненько и робко, запищала тихим комариком на одной ноте, успевая проговаривать утробно:

— Лишили, ой лишили ироды родного угла на старости лет, лихоманка вас приберит... Всех на руках вынянчила, а теперь из родного угла выковырнули...

— Мама! Ну чего ты голосишь, ей-богу! — с досадой повернулась к бабке Танина мать. — Куда это мы тебя выковырнули? Ты же не в чужих людях, ты с внучкой родной жить будешь! Да и самое место здесь тебе, если по совести...

Хоромина-то эта не чья-нибудь, а сестры твоей! Да и лучше тебе здесь будет! Ни воды носить не надо, ни печку зимой топить...

— А девке что? Ты об ей, об Таньке-то, подумала? — слабо, будто боясь навлечь на себя еще большую досаду, проголосила бабка Пелагея. — Чего ж ей теперь, всю жизнь свою молодую на то потратить, чтоб за старухами ходить? И опнутья девке толком не дали...

— Ничего. Она и с тобой хорошо опнется, — вступила в разговор и сестра Тамара, стрельнув в Таню завистливым глазом. — Да и веселее ей будет. Все не одна. Правда, Таньк? А то живешь здесь, ровно барыня...

За все три дня, пока суетились с похоронами да с поминальным столом, Тамара не подошла к младшей сестренке ни разу. Так, наблюдала за ней будто издали. И все примеривала к себе задумчиво Танино законное теперь жилье — то застывала надолго у окошка, скрутив бубликом дебелие, или, если выражаться по-городскому, целлюлитом попорченные руки, то в старом тети-Клавином кресле устраивалась поосновательнее да поудобнее плотным, некрасиво отвисшим к тридцати годам задом. Вот и получилось так, что обратилась она к ней за столом впервые. И даже несколько с вызовом — попробуй, мол, не ответь...

— Правда, Тамара. Конечно, правда. Веселее будет, — торопливо подтвердила Таня и часто закивала. — Конечно, пусть остается бабушка Пелагея...

И снова в наступившей тишине пробился писком слабенький бабкин вой, и снова, сердито шикнув, махнула в ее сторону ладонью Танина мать. А махнув, она тут же и вздохнула облегченно, и уселась на место, подвинув к себе поближе тарелку с городской копченой колбасой. Слава богу, можно теперь и поест спокойно, раз вопрос решен. Все время поест некогда. Одни только заботы с этими детьми. Пока всех пристроишь мало-мальски, рассуешь по освободившимся углам...

А Таня и впрямь не возражала против такого материнского решения. Понимала — трудно им там. Заработать негде, дом новый поставить не на что. Гибнет деревня, спивается от полной безнадёги... Тем более и противу самой бабушки Пелагеи как таковой она ничего плохого за душой не имела. Они с ней всегда хорошо ладили. И в баньке, бывало, вместе парились, и огород копали, и пряник какой лишний гостевой бабка всегда для нее приберегала. Пусть живет. Не в тягость, а в радость.

Так бабка у нее на постоянное жительство и осталась. Уже полгода вместе живут. И хорошо

живут, чего уж там. Она ее и в больнице своей подлечила немного, и заботится о ней от всей души. И балует, когда чем получится. И сейчас у нее в сумке пирожные для нее припасены. Эклеры. Страсть как бабка их полюбила, городские эклеры эти...

Вообще, бабка Пелагея очень быстро в городской жизни освоилась. И к еде новой быстро привыкла. И к благоустройству квартирному. Поначалу, правда, все старалась водой запастись — не верилось ей, что она с утра и до вечера из кранов бежать будет. А к унитазу сразу очень уважительно отнеслась. Очень одобрила: «Шибко умный горшок, дай бог здоровья тому человеку, который его придумал». А потом еще и подружек себе завела. Сидела с ними на скамеечке перед подъездом, со страстью обсуждала жизнь живущего в доме народа. А как же без этого? Она ж тоже человек, деревенская бабка Пелагея, и без обмена информацией, как и без хлеба насущного, запросто погибнуть может. И в деревне своей она все про всех знала. И про нее все и всё тоже знали. А народ, в доме проживающий, пусть и не обижается. Подумаешь, посудачат немного бабки, помогут соседские косточки. Не котировки же валют да не новые цены за баррель им на скамеечке обсуждать...

В общем, жизнь общественная у бабки Пелагеи закипела ключом. И даже, как и полага-

ется по всем естественным законам, разбился их маленький старушечий, но, как там ни смотри, все же коллектив на два противоположных лагеря. Одну его сторону составляли бабушки местные, в этом доме всю свою основную жизнь прожившие и в нем же и состарившиеся. Другую же сторону представляли бабушки приезжие, сердобольными детьми из других мест к себе на жительство да на достойное упокоение их уважаемой старости выписанные. И споры между этими лагерями разгорались нешуточные, иногда и до рукоприкладства почти дело доходило...

— ...Ты погляди-ка на эту Лизку, Танюха, погляди только! — возмущалась за вечерним чаем бабка Пелагея. — Говорит, будто я из жалости у тебя живу, а она будто в своем доме хозяйка! Да какая она хозяйка, если дочка ее ни в грош не ставит! Только и ждет того, чтоб померла побыстрее, чтоб комнатку ее занять. Ну и что с того, что я из жалости? В жалость оно всегда лучше, чем в тягость...

— Да не слушай ты никого, бабушка Пелагея! — увещевала бабку совершенно искренне Таня. — Я очень даже рада, что ты со мной. Что мы, плохо живем, что ли? Да замечательно живем!

— И то, и то... — согласно кивала бабка. — А Лизка еще и на Макарьевну сегодня взъелась,

которую Ивановы с пятого этажа из деревни перевезли. Говорит, будто перевезли ее вовсе не из-за немощи, а чтоб деньги за проданный дом себе прихватить...

— Да это она от зависти, бабушка, — махала рукой Таня, прихлебывая горячий чай из большой кружки. — Ивановы, они не такие. Они и без того дома хорошо обеспеченные. Просто им бабушку жалко, да и любят они ее.

— Таньк, а я-то тебе и впрямь не в тягость? А? Не лукавишь ли со мной, девка?

— Бабушка-а-а-а... — тянула возмущенно Таня и хмурила сердито белесые бровки. — Чего говоришь-то, сама не думаешь...

— Да ладно, Танюха... Верю я тебе, верю. На завтра-то чего тебе постряпать? Напеку-ка я пирогов с капустой, на работу с собой возьмешь...

Пирогам бабкиными она и впрямь все хирургическое отделение закармила. Получались они необыкновенно вкусными, бабка умела как-то по-своему, по-деревенски тесто ставить — с молитвой, как она сама выражалась. Таня и в самом деле видела, как она пришепывает что-то, колдуя над продуктами, и лучше к ней в этот момент и не лезть попусту. Врачи и медсестры уплетали те пироги за обе щеки да всяческие комплименты бабушке Пелагее